

ПРОБЛЕМЫ НОВЕЙШЕЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

«ЖИВЕМ В АСТРАХАНИ, А ВМЕСТО РЫБЫ ЕДИМ ОДНИ БАШКИ», –
ГОРОЖАНЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ПИТАНИЕ В КОНЦЕ 1920-х –
НАЧАЛЕ 1930-х гг. В НИЖНЕВОЛЖСКОМ РЕГИОНЕ

А.О. Тюрин
(Россия, Астрахань)

Аннотация. В предлагаемой статье на основе архивного материала описывается и анализируется развитие системы общественного питания в советском городе в конце 1920-х – начале 1930-х гг. В статье показано влияние сферы общественного питания на отношение населения к государственной власти, а также роль общественных столовых и буфетов в повседневной жизни горожан.

Annotation. In the given article the development of public catering system in a soviet town in late 20-s – early 30-s is described and analyzed on the archive data base. The article shows the influence of the public catering sphere on the people's attitude towards governmental authorities, as well as the role of the communal kitchens and canteens in citizens' everyday life.

Ключевые слова: повседневность, горожане, общественное питание, власть, голод, Нижневолжский регион.

Key words: humdrum, everyday life, citizens, public catering, governmental authorities, starvation, the Lower Volga region.

С конца 1920-х гг. в Советском Союзе в связи с началом осуществления политики форсированной индустриализации уровень жизни городского населения начал падать. Особенно остро кризис проявился в области снабжения горожан продовольствием. Городское население подверглось стратификации по социальному и профессиональному признаку. В зависимости от категории были определены нормы снабжения продовольствием. Однако ни одну из социальных групп нормы не устраивали, к тому же со временем они уменьшались.

В связи со сложившейся ситуацией государственная власть начала активно развивать сеть учреждений общественного питания. Организация массового общественного питания на предприятиях и в организациях была декларирована советской властью как мера по улучшению качества питания рабочих и служащих. Помимо определенного идеологического момента – культурное и коллективное обслуживание трудящихся, предполагалось, что общественное питание должно было способствовать повышению материального уровня жизни горожан, так как стоимость обедов в системе общепита было дешевле, чем в коммерческих столовых.

Нашим исследовательским интересом будет являться анализ декларируемых государственной властью задач в сфере общественного питания и их реализация на практике, а также оценка и восприятие населением работы сети предприятий общепита, роль общественных столовых и буфетов в повседневной жизни горожан в исторических условиях конца 1920-х – начала 1930-х гг.

Уже в конце 1920-х гг. в различных резолюциях отчетно-перевыборных собраний депутатов местных советов можно увидеть многочисленные указы рабочих и служащих, сводящихся к следующему пожеланию: «Усилить торговую сеть кооперации, добиться снижения розничных цен, расширить сеть общественного питания» [16, л. 119].

Государственная власть начала осуществление своей политики, и в 1929–1930-м гг. сеть заведений общественного питания стала увеличиваться. Например, в Астрахани в августе 1929 г. было 18 столовых с пропускной способностью 2300 обедов и 10 буфетов, в марте 1930 года число столовых возросло до 23 с общим числом обедов 28 000, а сеть буфетов достигла 40 [6, л. 3].

В целом по Нижневолжскому краю в январе 1930 г. работала одна фабрика-кухня с пропускной способностью в 6 тыс. блюд. В конце года их насчитывалось 7 с пропускной способностью 200 тыс. блюд [3, л. 54]. Предприятия общественного питания начинали играть важную роль в бюджетах горожан. Для основной массы городского населения питание в системе общепита стало повседневным занятием, они ходили в столовые целыми семьями. К 1933 г. в СССР общественным питанием было охвачено до 70 % всех рабочих [5, л. 37].

Однако столь бурное развитие сети столовых и буфетов сказывалось на качестве обслуживания горожан. Многие из них открывались в непригодных помещениях, санитарное состояние которых было неудовлетворительным. В столовых Астрахани не доставало кухонной и столовой посуды, образовывались очереди, отсутствовали вспомогательные и подсобные помещения [10, л. 8]. Похожая ситуация наблюдалась в сети общественного питания Саратова, в некоторых столовых температура зимой опускалась до 10 градусов мороза [17, л. 45].

Несмотря на указанные недостатки, в общественном питании цены на обеды были относительно недорогими. Например, в заведениях общепита Астрахани в 1929 г. первое блюдо стоило 28 коп., второе – 35 коп., тогда как в частных столовых обед обходился в 1 руб. – 1 руб. 20 коп. [4, л. 157]. Стоит отметить, что в первой половине 1930-х гг. цены на обеды стали подниматься, но некоторая разница стоимости одного и того же обеда, в зависимости от социальной и профессиональной принадлежности трудящегося, оставалась.

Так, в 1934 г. в Астрахани обед рабочему обходился в 60–70 коп., служащему – от 70 коп. до 1 руб., стоимость «улучшенного» обеда инженера (ИТР) доходила до 2 руб. 50 коп. [2, л. 124]. В Саратове, на заводе им. Ленина, в 1934 г. обед простого рабочего стоил около 90 коп., обед ударника – от 50 коп. до 1 руб., обед инженера (ИТР) – от 70 коп. до 1 руб. 40 коп. [17, л. 47]. При этом в отчетных документах указывалось, что примерная себестоимость обеда рабочего в 1932–1933 гг. составляла 80 коп., но рабочие платили 60 коп. [18, л. 53]. Таким образом акцентировалось внимание на определенной социальной направленности сферы общественного питания. Горожане, особенно пролетариат, привилегированное положение которого постоянно подчеркивала государственная власть, стремились активно пользоваться услугами общественного питания, поэтому население критически относилось к недочетам в работе этой системы.

Первоначально многие рабочие недостатки в сфере общественного питания, как и торговли в целом, списывали на работавший в магазинах и столовых «социально чуждый элемент». Так, житель Астрахани «разоблачал чуждых» в своем письме: «Гражданин К. ... имел свои собственные кабацкие заведения на Калмыцком базаре, но в 1926 г. прекратил свою деятельность и уже с 1927 г. становится членом профсоюза и заведующим пивной № 14. Спрашивается, как такие типы получают службу в государственных торговых предприятиях? Второй пример: товаровед Астгубторга (маг. № 1) до 1927 г. имел собственные копильные заведения, или заведующий столовой В. ... в прошлом белогвардеец, имел собственный магазин. Это ли не издевательство над социальным подходом. Все это темные дельцы, а нам говорят, что специалисты. Прошу принять меры к расследованию и классовой чистке» [1, л. 31].

Другие рабочие предлагали следующее решение: «В Астрахани есть столовые, но они посещаются нэпманами, а рабочему есть негде. Нужно обеды отпускать только рабочему и по профсоюзным книжкам» [7, л. 9]. Таким образом, в конце 1920-х гг. многие представители пролетариата считали, что сфера общественного питания должна была соответствовать декларируемым государственной властью тезисам о

«пролетарском государстве» и функционировать по примеру системы нормированного снабжения населения продовольствием и товарами первой необходимости.

С увеличением темпов индустриализации и ростом городского населения основным недостатком работы столовых стало очень низкое качество питания, часто декларируемый рацион блюд в реальности не исполнялся. Различные контролирующие организации постоянно фиксировали многочисленные нарушения. Например, в Астрахани с июня 1930 г. в городских столовых выдача хлеба была уменьшена со 150 г до 100 г, в некоторых столовых норму довели до 50 г, но и это не было обязательным минимумом. В столовой № 32 г. Астрахани рабочие получали вместо положенных 50 г 35 граммов хлеба [6, л. 5].

В 1931–1934 гг. качество питания в общественных столовых продолжало ухудшаться. Это было связано, в первую очередь, с наступившим голодом в стране. Контролирующие организации констатировали удручающую картину: «Проверка столовой завода им. Ленина в Саратове в 1931 г. показала, что в марте рабочих кормили манной кашей и постными щами без томата, которые представляли собой воду с вареной капустой» [19, л. 26]. На фабрике-кухне завода «Комбайнов» в январе-феврале 1932 г. вообще не было мясных блюд [17, л. 47].

Несмотря на неудовлетворительное качество питания, завтраки и обеды в общественных столовых продолжали играть важную роль в повседневной жизни горожан, причем не только взрослых, но и детей.

Астраханский писатель Ю.В. Селенский в автобиографической повести «Не расти у дороги» вспоминает о роли горячих завтраков в школе в это голодное время: «В школе с помощью уполномоченного из горono и шефов наладили выдачу горячих завтраков. Кстати, завтраки сыграли большую положительную роль, они сильно повлияли на посещаемость. До завтрака никто не сматывался с уроков. Отвешенная каша выглядела на дне цинкового черпака так сиротливо, что и есть-то, казалось, там было нечего... Кашу из столовой привозили все жиже и жиже, и соскабливать со стенок кастрюли практически ничего не оставалось... Вскоре наступили холода. Зашипело в школьных печках сырое и скудное топливо, скромно схоронили Вальку Волкову, которая оказалась лишенкой и пайка не получала. Кашу долго отогревали перед раздачей, и поэтому завтрак перенесли с большой перемены на конец занятий» [20, с. 138].

Студенты вузов и техникумов покупали обед в столовой наравне с другими горожанами, но их не устраивала цена блюд. Например, в Астрахани на заводе им. Урицкого на общем собрании рабочих и служащих в 1932 г. выступающий возмущался: «Мы, студенты Астраханского политехнического техникума, очень плохо обеспечены питанием. Нам никто не помогает. Стоимость обеда колеблется от 80 копеек до 1 рубля 10 копеек, студентам не под силу оплатить такой обед» [8, л. 94–95].

Не справляясь с утвержденным рационом питания, столовые занижали выдаваемые нормы или вообще снимали некоторые социальные категории горожан с доступного (по цене) общественного питания. Так, в сводках астраханского ОГПУ за май 1932 г. отмечалось, что «норма хлеба в столовых, установленная для грузчиков и рабочих "Слипа" была 200 граммов, вместо 400, а для прочих рабочих 100 граммов вместо 200. Служащие и обслуживающий персонал учреждений, а также обслуживаемые предприятия на заводах (больницы, детские сады, амбулатории, школы и т.д.) сняты с общественного питания» [13, л. 132–133].

Саратовский юрист В.Н. Ситников в своем дневнике от 18 апреля 1931 г. записал: «На службе атмосфера сгущается. Живу буквально без обедов, так как нас, служащих, лишили своей столовой. Приходится платить за обед в общей столовой 3 рубля 50 копеек, что немисливо при наших окладах. А из-за дороговизны продуктов и недостатка керосина (выдают 2 литра в месяц) готовить обеды дома почти невозможно.

Словом...

Чего желать? О чем тужить?

День пережит – и слава Богу!»

10 ноября того же года в дневнике было зафиксировано следующее: «У большинства населения мало дров, нет картофеля, капусты, огурцов и всего того, что раньше запасали на зиму. Хорошо только тем, кто прикреплен к столовым, где дешево и сносно кормят (партийные, учрежденческие и др.)» [21, л. 78, 84].

Недовольство со стороны трудящихся вызывал рост цен на обеды. Так, инструктор ученической бригады на заводе им. К. Маркса в Астрахани среди своих учеников возмущался: «Обедов в столовых стандартных не стало, а стали коммерческие, качество очень плохое и порции малы. Съели три порции (цена 3 р. 90 к.), а все равно голодные остались. Если так будет дальше продолжаться, то рабочий вынужден будет от обедов отказаться, а есть сухой хлеб, но на эти безобразия никто совершенно не обращает внимания». Слесарь завода им. Ленина поддерживал мнение инструктора: «Прямо безобразие, взяли за обед по 80 копеек, а обед был хуже, чем по старой цене, нужно столовой объявить бойкот на два-три дня, тогда они узнают, как готовить плохой обед» [13, л. 235–236].

Таким образом, не справляясь с утвержденным рационом, многие категории горожан снимали с социального общественного питания и переводили на коммерческое обслуживание, но и при этом качество питания все равно оставляло желать лучшего. Те же, кто оставался в системе обслуживания общепита, часто продолжали негативно отзываться о качестве обедов.

Например, в 1931 г. в Вольске плотник завода «Большевик» возмущался: «Вот, чем кормят рабочих – горячей водой, а работать заставляют все кому не лень». С ним соглашался рабочий завода «Красный Октябрь»: «Человек не свинья – все съест. В настоящее время приходится все есть, что ни сготовят, потому что дома и этого нет» [11, л. 440, 630].

В Астрахани плотник завода им. К. Маркса говорил: «Май 32 года подходит к смерти рабочих, то есть скоро подохнем, а если сразу с голоду не подохнем, то постепенно, потому что жрать нечего, а в столовой варят одну рыбу по 10 см в длину и то нечищеную, жри как собака, что подадут» [13, л. 73]. В столовой на заводе им. Х лет Октября рабочий недоумевал: «За обед берут 60 копеек, а обедать нечего, на первое дают суп постный, а на второе рыбную кашу и желтый огурец» [13, л. 236].

Для стимулирования производства и популяризации ударнического движения в системе общественного питания была введена дифференциация внутри самого пролетариата. Стали появляться столовые и обеды для ударников, которые должны были отличаться высоким качеством питания и низкой ценой.

Подобная ситуация вызвала недовольство со стороны некоторых рабочих. На заводе им. Ленина в Астрахани рабочий говорил: «Это неправильно, что введена поблудная система. Между рабочими не может быть классового деления». Механик завода им. Х лет Октября высказался следующим образом: «Все соревнования и ударничество только на бумаге, а в ударники записываются для того, чтобы побольше получить из кооператива и лучше пообедать в столовой» [13, л. 236; 14, л. 92]. Таким образом, государственная власть пыталась использовать систему общественного питания для стимулирования производительности труда.

Однако сами ударники часто отрицательно высказывались относительно качества питания в столовых. На пленуме ФЗК при заводе им. III Интернационала после информации докладчика о непосещении ударниками собраний плотник сказал: «Товарищи, скоро совсем ударники ходить не будут, потому что не имеют никакой привилегии в столовой, для ударников и неударников обеды одинаковые (две крупинки каши на чашу воды), из-за этого все, окончив работу на заводе, идут ловить рыбу» [13, л. 236].

Таким образом, «особые ударные» обеды первоначально не стали стимулом для повышения производительности труда. В общем, основной проблемой качества питания в сети общепита явилась катастрофическая ситуация с продовольствием в стране в 1931–1934 г. Однако были и другие проблемы, способствовавшие низкому качеству обедов, это воровство или растрата и халатность.

Факты воровства и халатности в сфере общественного питания периодически освещались в местной прессе, в особенности в многотиражных изданиях предпри-

ятий (многотиражках). При этом более действенным считалось предъявление обвинений конкретным лицам через многотиражки. Стоит отметить, что халатность, воровство, удержание норм и низкое качество обедов списывалось на вредительство персонала столовых и буфетов.

В 1934 г. в астраханской многотиражке «Судостроитель» была выпущена большая рубрика под заголовком: «Выше классовую бдительность – выкорчевываем остатки "астраханщины!"», в которой приводились примеры проявления «астраханщины» на предприятии в сфере общественного питания. В статье под заголовком «Жирный кусок хозяину» говорилось: «В начале июля случилось, что ударникам стало не хватать ударных обедов. Когда же попытались узнать, в чем дело, находившийся в столовой член правления П. ... сказал: А тебе не все равно, что кушать, что ударный или не ударный обед? Между тем, сам П. ... ежедневно обедает в столовой и часто вместо хлеба набирает себе тарелку пирожков». В следующей статье под заголовком: «Попросите посторонних» описывался другой негативный, с точки зрения рабочих корреспондентов (рабкоров), момент: «Слесарь Л. ... обедает в диетической столовой, а его жена приходит к нему каждый день и обедает вместе с ним, несмотря на то, что некоторым диетикам не хватает места» [22].

Описываемые эпизоды «вредительства» не в полной мере соответствуют этому определению с современной точки зрения. Однако в столовых общепита были зафиксированы многочисленные случаи, которые можно было бы подвести под это понятие. Так, в 1931 г. в Вольске рабочий сказал: «Сегодня нам привезли обед, рабочие его выкинули и остались голодными. Щи привезли с червями, кто ни посмотрит в свое блюдо – у всех плавают черви. Хоть не заходи в столовую, все перловое и перловое, да тоже бывает с червями» [11, л. 631].

В 1934 г. в Астрахани на заводе им. Урицкого рабочий во время обеда обнаружил в супе мышинный хвост, вследствие этого более 20 рабочих покинули столовую, а некоторые рабочие говорили: «Если рабочие завода дальше будут молчать, то не только мышами, а в скором времени будут кормить нас кошачьим мясом» [14, л. 110].

При этом в ноябре 1933 г. (за год до этого случая) в Астрахани было принято постановление «О фактах вредительства на заводах им. Ленина и им. X лет Октября», в котором говорилось: «Факты подачи рабочим обедов, в которых были обнаружены мыши, считать фактами вылазки классово-враждебных элементов, направленных на дискредитацию и срыв общественного питания. Нужно отметить, что месткомы заводов не придали этим действиям политического значения» [9, л. 77].

Процесс выявления «вредителей» на предприятиях общественного питания нашел поддержку среди некоторых рабочих. Многие продолжали писать жалобы в многотиражки с указанием фамилий виноватых и их проступков. Некоторые пролетарии пытались «раскрыть массовые случаи вредительства». Например, в Астрахани в 1932 г. слесарь завода им. X Октября докладывал мастеру, что «на заводе им. Ленина начали кормить свиней нечистотами из уборных, а потом этими свиньями будут кормить рабочих» [13, л. 237]. Происходило это на самом деле, или слесарь пытался заработать себе определенный политический авторитет (одновременно он собирал подписи под заявлением на имя Калинина), неизвестно.

Однако проверки, проводившиеся контролирующими организациями, вскрывали многочисленные нарушения в системе общественного питания. Например, в 1932 г. в Астрахани в столовой № 6 завода им. К. Маркса для ударников обед был приготовлен из тухлого мяса, а в столовой для ударников завода им. X лет Октября обед был приготовлен из тухлого пшена и был не пригоден к употреблению. В столовой № 2 при этом же заводе по вине заведующего столовой было испорчено около 600 л молока. На заводе им. III Интернационала обеды рабочими были закуплены по 68 коп., тогда как обеды были доставлены стоимостью 49 коп., но излишне полученную сумму не возвратили» [13, л. 136].

В 1934 г. при обследовании столовой завода им. К. Маркса было выявлено мясо, покрытое жемчужницей (поражено туберкулезом) [15, л. 31].

Безусловно, низкое качество обедов, высокие цены в сфере общественного питания отрицательно сказывались на отношении рабочих к власти. Органами ГПУ постоянно фиксировались негативные высказывания пролетариев в адрес государственной власти и лидеров страны. Приведем некоторые примеры.

Так, в Астрахани в 1934 г. слесарь завода им. К. Маркса говорил: «Такой обед, как я ем, поднести бы Сталину, чтобы он сказал, хорошо или нет? Всех людей обрекли на голод, везде кризис, а у нас хорошо, голодные и холодные ходят, как видимо, будем хорошо жить, когда останется населения в СССР 30 %». Рабочий на заводе им. III Интернационала сказал: «Ну и обед, одна вода, что ни год, то все хуже становится жить. За что мы боролись? Живем в Астрахани, а вместо рыбы едим одни башки, при царе жилось и то лучше!» [13, л. 70]. Однако что реально могли предпринять рабочие для улучшения качества питания в столовых? По сути, очень мало. Например, на общем собрании котельщиков завода им. К. Маркса в Астрахани в 1932 г. рабочий предлагал: «Нужно бросить всем работу и уйти с производства, потому что раньше у крестьян свиньи лучше ели, чем теперь есть рабочий» [13, л. 235].

В 1932 г. в Астрахани на заводе им. III Интернационала для второй смены рабочих был приготовлен обед низкого качества: на первое жидкий суп без жиров, на второе – кусок соленой вымоченной рыбы в 100 г. Среди рабочих возникло недовольство. Бригада котельщиков заявила начальнику цеха, что «если в дальнейшем будут готовить такие обеды, то работать они не будут» [13, л. 236]. К сожалению, в этом случае неизвестен исход дела.

В начале 1930-х гг. различные рабочие выступления, касающиеся задержек заработной платы или увеличения норм снабжения продовольствием, характеризовались как антисоветские, а многие их участники подвергались репрессиям. Поэтому пролетариат все меньше прибегал к выступлениям забастовочного и ультимативного характера, особенно если вопросы касались не столь первостепенных проблем, таких как выплата заработной платы.

Администрация предприятий, как и государственная власть, пыталась привлечь пролетариат к активному осуществлению рабочего контроля сети общественного питания. Однако многие рабочие считали проверочную работу комиссий предприятий общепита неэффективной. Так, на общем собрании рабочих завода им. Ленина в Астрахани, посвященному выбору проверочной комиссии, слесарь механического цеха высказал свою точку зрения: «Зачем нам выбирать проверочную комиссию, нечего в кооперации проверять, там только одна соль. Мы пятнадцать лет выбираем разные комиссии, а толку от них. Сколько раз ловили с хлебом и продуктами, и ничего никому не было» [13, л. 237].

Все же основной проблемой низкого качества питания в столовых было не воровство и халатность, а общая ситуация с продовольствием в стране. Многочисленные сводки ОГПУ фиксировали бедственное положение горожан, которые продавали свое имущество и покупали продукты на рынках, так как даже небольшие нормы снабжения продовольствием не выполнялись, а на протяжении 1932–1934 гг. постоянно наблюдались двух-трех месячные задержки заработной платы.

Например, в сводке по астраханскому заводу им. Сталина в 1933 г. говорилось: «Механик нефтевоза "Змей Горыныч" С. ... для существования продал: костюм, серьги своей жены и последнее пальто, помощник механика этого парохода распродал все, что имел, также с целью существования, командир нефтевоза "Бирючья Коса" на удовлетворения себя обедами продал с жены платок и пальто» [14, л. 60] и т.д.

В сложившейся ситуации питание в столовых общепита было хоть каким-то подспорьем, и, несмотря на низкое качество обедов и периодический рост цен, рабочие продолжали по мере возможностей питаться в столовых. Общественная столовая становится своего рода пролетарской привилегией, так как другие социальные группы горожан, не считая местного партийного и хозяйственного руководства, а также управленческого персонала предприятий и организаций, были вообще сняты с общественного питания. Повседневная значимость столовых для трудящихся подтверждается характеристикой неудовлетворительного обслуживания пролетариата на заводе

им. Сталина в 1932 г. В докладной записке говорилось: «На заводе им. Сталина из-за плохой работы столовой кассы образовывались огромные очереди. Из-за этого многие рабочие бросали работу за час до обеда, а если их не пропускали в ворота, то перелезали через забор» ([12, л. 90]. Таким образом, никакие преграды не могли остановить рабочих.

При этом пролетариат продолжал критиковать работу общепита. Так, слесарь завода им. Ленина в Астрахани высказался следующим образом: «Как клопы выживают хозяев из квартиры, так и обеды из столовой людей, видно, придется оставить столовую» [15, л. 70]. В этом отчете говорилось, что в январе 1934 г. по заводу им. Ленина 35–40 % рабочих не обедают, а «вместо обедов покупают по коммерческой цене хлеб с приобретением в буфете необходимого и этим ограничиваются» [15, л. 70].

В общем, задачи, которые ставились перед системой общественного питания в начале 1930-х гг., не были реализованы, да и не могли быть выполнены в силу существовавшей социально-экономической ситуации. Единственным первоначальным результатом стало массовое вовлечение горожан в систему обслуживания общественным питанием, для многих питание в общих столовых и буфетах стало повседневным занятием. Постоянные критика и жалобы в адрес общепита говорили о равнодушном отношении рабочих к этой социальной сфере. Недовольство вызывало улучшенное питание ударников и коммунистов [14, л. 60], качество и количество обедов, постоянный рост их цены.

Относительно недорогие обеды не смогли удовлетворить потребность пролетариата как привилегированной социальной группы в питании. Политическая активность рабочих по улучшению обслуживания в сетях общественного питания могла выражаться в «раскрытии вредительства в столовых», написании жалоб в контролирующие организации, участии в составлении наказов местным депутатам и работе в комиссиях по проверке заведений общепита.

Однако в реальности эти формы политической активности пролетариата не изменяли кардинально ситуацию в системе общественного питания. Поэтому рабочие прибегали к формам политической отчужденности – предпочитали сами решать проблему своего питания: ловили рыбу после работы, продавали личные вещи, покупали обеды по коммерческим ценам.

К этим же формам прибегали горожане, которые были лишены права обслуживания в сети общественного питания по фиксированным ценам. Многие из них откровенно завидовали прикрепленным к столовым социальным группам, так как, несмотря на низкое качество обедов и маленькие порции, в условиях голода 1931–1934 гг. городское население использовало любую возможность для удовлетворения первичной потребности человека в пище.

Библиографический список

1. *ГААО*. – Ф. 6, оп. 1, д. 169.
2. *ГААО*. – Ф. 6, оп. 1, д. 185.
3. *ГААО*. – Ф. 6, оп. 1, д. 288.
4. *ГААО*. – Ф. 6, оп. 1, д. 367.
5. *ГААО*. – Ф. 6, оп. 1, д. 396.
6. *ГААО*. – Ф. 6, оп. 1, д. 565.
7. *ГААО*. – Ф. 1094, оп. 1, д. 19.
8. *ГААО*. – Ф. 1727, оп. 1, д. 1220.
9. *ГААО*. – Ф. 1727, оп. 1, д. 1289.
10. *ГААО*. – Ф. 2522, оп. 1, д. 862.
11. *ГАНИСО*. – Ф. 20, оп. 1, д. 16.
12. *ГАСДАО*. – Ф. 20, оп. 1, д. 20.
13. *ГАСДАО*. – Ф. 20, оп. 1, д. 25.
14. *ГАСДАО*. – Ф. 20, оп. 1, д. 29.
15. *ГАСДАО*. – Ф. 20, оп. 1, д. 30.
16. *ГАСО*. – Ф. 461, оп. 2, д. 154.
17. *ГАСО*. – Ф. 461, оп. 2, д. 229.
18. *ГАСО*. – Ф. 461, оп. 2, д. 335.

19. ГАСО. – Ф. 519, оп. 13, д. 103.
20. Селенский Ю. В. Не расти у дороги / Ю. В. Селенский. – М. : Современник, 1987.
21. Ситников В. Н. Пережитое: дневник саратовского обывателя. 1918–1931 гг. / В. Н. Ситников ; публ. Ю. Песикова. – Саратов : Слово, 1999.
22. Судостроитель. – Астрахань – 1934. – № 16.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДСКИХ КОМИТЕТОВ ОБОРОНЫ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1941–1943 гг.

П.В. Сухарев
(Россия, Астрахань)

Аннотация. В настоящей статье рассмотрен процесс реализации социальной политики городскими комитетами обороны Нижнего Поволжья в военный период, показаны особенности организации медицинского обслуживания населения региона, основные направления проводимой продовольственной политики.

Annotation. Process of realization of social policy by city committees of defense of the Bottom Volga region during the military period is considered in the article. Features of the organization of health services of the population of the region, the basic directions of a food policy performed are shown.

Ключевые слова: городские комитеты обороны, социальная политика, продовольственная политика, централизованное государственное снабжение, медицинское обслуживание, санитарно-эпидемическое состояние.

Key words: city committees of defense, social policy, the food policy, the centralized state supply, health services, sanitary-epidemic condition.

С началом Великой Отечественной войны ухудшились условия жизнеобеспечения граждан, уменьшились ресурсы потребления. В условиях обострения эпидемической и криминогенной обстановки, нехватки продовольствия в Нижнем Поволжье мероприятия городских комитетов обороны региона были направлены на нормализацию условий проживания и снабжения населения. К концу 1941 г. городское население Нижнего Поволжья выросло почти вдвое. Рост численности населения послужил толчком к обострению эпидемической обстановки.

Причинами осложнения санитарно-эпидемической ситуации в Нижнем Поволжье и роста инфекционных заболеваний являлись неконтролируемость перемещения больных людей, низкое качество питания, неблагоприятные условия проживания населения. Опасность распространения эпидемических заболеваний сохранялась на протяжении всех лет войны. К борьбе с эпидемиями медики привлекли санитарную общественность – санитарные звенья, санитарные посты, санитарные дружины, многотысячный актив, общественных санитарных инспекторов. Медики и их помощники проводили подворные и поквартирные обходы. Местными чрезвычайными органами власти региона постоянно осуществлялся текущий санитарный надзор в жилых домах, общежитиях, столовых и магазинах, тщательно контролировалась санитарная очистка населенных мест. На путях движения к фронту создавалась разветвленная сеть санитарно-заградительных барьеров. Под постоянным контролем медиков находились железные дороги. На крупнейших железнодорожных узлах работали санитарно-контрольные, observationalные и изоляционно-пропускные пункты. Проходящие по железным дорогам поезда и эшелоны систематически проверялись на санитарно-контрольных пунктах. Здесь проводили осмотр поездов, вагонов и пассажиров, осуществляли санитарную обработку, изолировали заболевших и лиц с подозрением на заболевание.

В Сталинграде и области в 1941 г. недоставало 17 госсанинспекторов, 11 врачей санэпидтанций, из них пятерых в Сталинграде [2, л. 12–15]. Зимой 1941 г. в Сталинграде возникла угроза эпидемии сыпного тифа. На 15 декабря зафиксировано 59 случаев, а на 1 января 1942 г. уже 111, главным образом на эвакуационных пунктах [2, л. 12–15; 10, л. 7–12].